

ОБ ОДНОМ ИСТОЧНИКЕ НОВЕЛЛЫ Н. С. ГУМИЛЕВА «ДОЧЕРИ КАИНА»

Елизавета Тимофеева
(Москва)

В 1908 г. Гумилев писал Брюсову: «Сейчас пишу философско-поэтический диалог под названием “Дочери Каина”, смесь Платона с Флобером, и он угрожает затянуться» (цит. по: [Щербаков: 472]). Как было неоднократно отмечено, эта новелла имеет мало общего как с философско-поэтическим диалогом, так и с Платоном и Флобером (см.: [Баскер; Золотухина; Щербаков]). Однако в этом тексте можно увидеть вполне ясные отсылки к иным источникам. Самый очевидный — библейский сюжет о Каине — также неоднократно становился предметом исследования (см.: [Грачева 2005; Золотухина]). Каин — образ архетипический и вызывает у читателя целый ряд ассоциаций. При этом жизнь его после изгнания неизвестна, что позволяло разным авторам домысливать ее в соответствии с собственными художественными поисками. Для Гумилева Каин становится характерным героем раннего творчества.

В рассматриваемой новелле образ Каина фиксируется впервые. В 1909 г. он вновь появится в рассказе «Скрипка Страдивариуса», а затем прямо или косвенно возникнет в стихотворениях «Потомки Каина» (1909), «Сон Адама» (1909), «Капитаны» (1909), «Театр» (1910) и в переведенном им стихотворении Бодлера «Авель и Каин». Близкая тема «проклятых» героев-богоборцев появляется в стихотворениях «Царица» (1910) и «Ева или Лилит» (1911).

К отличительным чертам раннего творчества Гумилева относятся эстетизация зла, связь темы греха и темы творчества, установка на сюжетность, экзотичность и/или картинность внешнего мира (действие часто переносится либо в средневековую Европу, либо в Африку). В это время поэт интересуется сильными героями, готовые бросить вызов миру (судьбе, Богу), открывать новые пространства, как географические («Сонет», «Основатели», «У камина»), так и творческие («Скрипка Страдивариуса», «Волшебная скрипка»). По мнению исследователя, «героями Гумилева

двигает нежелание быть ничтожными, мелкими статистами в театре мироздания. Их цель — вырваться из запрограммированной траектории бытия» [Сафиулина: 24]. Все эти черты воплощаются и в образе Каина.

Понимая принципиальную важность для гумилевского образа Каина одноименной поэмы Байрона, мы хотели бы указать на иной вероятный источник новеллы. В «Дочерях Каина» поэт развивает антитезу «любовь земная — любовь небесная», намеченную им ранее в трех новеллах «Радости земной любви» (1907). Этой теме также уделяется много внимания в «старинной повести» В. А. Жуковского «Двенадцать спящих дев», в основу которой был положен готический роман Генриха Шписа. В своей новелле Гумилев использует тот же «набор героев», что и Жуковский: грешник, его дочери и герой-избавитель, но дальше мотивы «старинной повести» последовательно трансформируются.

В основе сюжета обоих текстов лежит мотив давно совершенного преступления, в котором можно выделить три составляющие. Первая — грех против собственной души. Громобой продал свою душу Асмодею, а Каин спорит с Богом и пытается отрицать Его власть. Второй аспект — преступление героев против собственных детей: Громобой продал их души за отсрочку для себя, а Каин «безумной страстью распалился... к своей младшей дочери Лии» [Гумилев: 45]. Третья составляющая — преступление против других людей: Каин убил собственного брата, а Громобой, получив богатство и власть, стал «И сильным бич, и слабым страх, / И хищник, и грабитель» [Жуковский: 86]. В обоих произведениях за преступление отцов расплачиваются не виноватые ни в чем дети. Если герои-грешники погружаются Высшей силой в сон, то дочери их вынуждены удалиться от мира, охранять их покой. Они расплачиваются, по сути, собственной жизнью, которая подчиняется высшей силе. Дочери грешников становятся их стражниками.

Интересно, что дочери Каина — не единственные жертвы преступления своего отца: жертвами становятся и все те, кто пытается их спасти. Оказавшись на поляне с гробницей Каина, путешественники и воины теряют главную свою черту — любовь к жизни. Они уже не могут и не хотят вести людей за собой. Крестовый поход, в котором участвует сэръ Джемс, оборачивается для

героя Гумилева трагедией и этим кардинально отличается от пути Вадима, героя «старинной повести» Жуковского.

Главный герой новеллы, сэр Джемс Стоунгемптон — один из любимых рыцарей короля Ричарда Львиное Сердце, отправленный вперед, чтобы разведать возможные опасности. Его путь — почти случайность, которой могло бы и не быть, как и всех последовавших событий. Ситуация в «Старинной повести», напротив, отвергает случайность: подвиг Вадима предназначен ему свыше: «добрый конь как будто сам / Свою дорогу знает» [Жуковский: 113]. Поначалу путь сэра Джемса безоблачен и радостен, как путь Вадима:

Прекрасна для смелого сердца дорога над пропастями. От мерного звона копыт срываются камни и летят в пустоту, а путнику кажется, что вот-вот оборвется и он, и сладко будет его падение. На соседних вершинах хмурится густой кустарник: наверно странные звери скрываются там. Охваченные головокружением, бешеные скатываются водопады. Все стремится вниз, как будто в глубинах земли изумрудные гроты и опаловые галереи, где живет неведомое счастье [Гумилев: 40–41].

Однако красота и радость, сопровождающие новгородского рыцаря, не омрачены «двусмысленностью» опасности: всюду встречает он радушный прием, зверь обходит стороной место его ночлега, и вся природа дружелюбна к нему. Путь Вадима к цели благословен и потому так приятен и легок, что сохраняется на протяжении всего времени. Единственное исключение — гроза, разразившаяся после того, как он спас киевскую княжну. Вероятно, можно сказать, что сама природа предостерегает Вадима: здесь он как никогда близок к тому, чтобы отступить от предначертанной ему цели.

Путь сэра Джемса, в свою очередь, с самого начала не несет ему ничего доброго, о чем героя опять же предупреждает природа:

Вечерело, и сырые туманы выходили из пещер, чтобы побороться с неуклонно стремящимся к западу солнцем. От низких жирных папоротников поднимался тяжелый запах, как в подземелье, где потаенно творятся недобрые дела. Чудилось, что все первобытные и дикие чары ожили вновь и угрюмо выслеживают одинокого путника. Вспоминались страшные рассказы о чудовищах, еще населяющих эти загадочные горы [Там же: 41].

Кульминацией постепенно нагнетающегося ощущения опасности становится появление пещерного медведя, бегство от которого приводит сэра Джемса на таинственную поляну, где взору его предстают «семь высоких девушек, странно прекрасных и странно бледных, со строго опущенными глазами и сомкнутыми алыми устами» [Гумилев: 43]. Они окружают мраморную гробницу, в которой лежит старец, «не живой и не мертвый» [Там же].

Старец этот — Каин, а девы, которых поначалу принял сэр Джемс за сталактиты, дочери грешника, ставшие его стражницами. Только в отличие от спящих дев, они не ждут спасителя. Напротив, они не позволяют рыцарю даже остаться, чтобы только «молчать и упиваться неиссякаемым мучительным вином чистой девичьей скорби» [Там же: 47]. Точно так же отказывали они и всем, кто приходил до него: мудрому Зороастру, любимцу Эллады, Орфею и не известному миру юноше, который «мог бы переменить лицо земли, золотой цепью приковать солнце, чтобы оно светило день и ночь, и заставить луну танцевать в изукрашенных залах его дворца» [Там же]. И все они уходят, забыв с тех пор о радости жизни. Таким покинет дочерей Каина и сэр Джемс.

Интересно, что дочери Гундвейля, героя романа Шписа, тоже избегали любых попыток заговорить с ними и молча удалялись прочь. Но если они ждали своего истинного избавителя, то девы из новеллы Гумилева отказываются от возможности спасения, вернее, такой надежды для них просто не существует. В этом заключается основное различие между дочерьми грешников в обоих произведениях. Зато к важным сходствам между ними относится мотив красоты: дети Каина — «девы, прекраснее которых не видел мир», а дочери Громобоя «как вешний ароматный день, / цвели <...> красою» [Жуковский: 86].

Если дочери Громобоя лишены каких-либо индивидуальных черт, то Гумилев, описывая дев, выстраивает интересный ассоциативный ряд. Символом старшей дочери становится олицетворяющая невинность лилия, «выросшая на берегах ядовитых индийских болот», младшей — «горсть жемчужин». Но в контексте статьи нас скорее интересует средняя дочь, «связанная со стихией ночи и луны» [Грачева 2006: 31]. Отметим, что при свете луны, столь важного образа в поэзии Жуковского, въезжает сэр Джемс на поляну.

Важную роль в развитии сюжетов обоих произведений играет мотив сна. В «старинной повести», как следует из названия, спят дочери Громобоя. В новелле Гумилева сон, подобный смерти, — наказание Каину. Подчеркнем, что в сон погружаются герои-освободители. Однако если во снах Вадима ему указывается предназначение, то сон сэра Джемса, в который погружают его дочери Каина, служит скорее началом его гибели. То, что видит, уснув, рыцарь, навсегда меняет его жизнь — сердце его «каменеет», чтобы «не разорваться от тоски» [Гумилев: 48].

Отдельного внимания заслуживает семантика числа дочерей грешников. Жуковский следовал за Шписом и оставил количество героинь без изменения. Гумилев выбрал число семь, также с богатым мистико-символическим шлейфом. По мнению Грачевой, выбор им этого числа обуславливается отчасти и тем, что именно оно чаще всего фигурирует в библейских легендах о Каине [Грачева 2005: 44].

В новелле Каин максимально оправдан и наделен «высшей правотой»: Гумилев отчасти принимает его сторону и называет Бога «мстительным». Не стоит забывать, что это первое обращение поэта к герою. Позже любование им пойдет на убыль, хотя и не исчезнет совсем. Теперь сравним образы героев-освободителей. Вадим проводил свои дни на охоте, что свидетельствует о его смелости и силе:

Пленял всех красотой,
И дерзким мужеством своим,
И сердца простотою [Жуковский: 109].

Сэр Джемс — «воин молодой, но уже знаменитый, красотой и веселостью уступавший разве только самому Ричарду» [Гумилев: 40]. В тот момент, когда читатель знакомится с ним, он проигрывает «последний из своих замков», его ожидают «стройные невесты с глазами чистыми и серыми, как сталь меча», он гордится своим «могучим сердцем» и «могучими руками» и наслаждается завистью, которую многие испытывают к нему [Там же: 41]. Можно сказать, что сэр Джемс впал в грех гордыни, за что и был наказан встречей с дочерьми Каина. Несмотря на собственное любование злом, Гумилев все же наказывает согрешивших героев.

Таким образом, сэр Джемс похож не столько на Вадима, сколько на Виллибальда — героя романа «Двенадцать спящих дев»

Шписа — текста, ставшего основой для «старинной повести» Жуковского. Поэт не только перевел «готический» роман «Двенадцать спящих дев» на русский язык, но и переложил его на балладную основу, «очистив» его от слишком грубых подробностей и «облагородив нравственную физиономию романа» (цит. по: [Жуковский: 328]). В новелле Гумилев оставил жанрообразующие черты (динамичный сюжет, символику, экзотический и старинный антураж, поэтическую многозначность), но изменил при этом семантику и трансформировал высокую спиритуальность Жуковского.

Превращая светлого героя в проклятого, Гумилев учитывает также пушкинский текст «Жил на свете рыцарь бедный...». Как и герой этого стихотворения, сэр Джемс участвует в Крестовых походах, испытывает странную, кошунственную, но высокую страсть, изымается высшей силой из земного мира и умирает без святого причастия. «Легенда» Пушкина, в свою очередь, восходит к балладе «Рыцарь Тогенбург», что вновь возвращает нас к произведениям Жуковского. «Дочери Каина» — не единственная, отсылающая к Жуковскому, новелла Гумилева. «Мягкая двусмысленность» баллад Жуковского болезненно заостряется Гумилевым и в других его новеллах: небесная любовь становится одержимостью плотской красотой. Таким образом, можно наметить следующие пары соответствий: «Лесной царь» — «Лесной дьявол», «Рыцарь Тогенбург» — «Принцесса Зара».

ЛИТЕРАТУРА

- Баскер: *Баскер М.* К разбору рассказов Н. С. Гумилева «Принцесса Зара» и «Дочери Каина» / М. Баскер // Гумилевские чтения: материалы международной конференции филологов-славистов / Под ред. Ю. В. Зобнина. СПб., 1996.
- Грачева 2005: *Грачева Д. С.* Рождение концепции «непознаваемого» в рассказе Н. Гумилева «Дочери Каина» // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2005. № 2.
- Грачева 2006: *Грачева Д. С.* Мотив камня в рассказе Н. Гумилева «Дочери Каина» // Гумилевские чтения: материалы международной научной конференции, 14–16 апреля 2006 года. СПб., 2006.
- Гумилев: *Гумилев Н. С.* Дочери Каина // Гумилев Н. С. Африканская охота. СПб., 2009.

- Жуковский: *Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. М., 2008. Т. 3.
- Золотухина: *Золотухина Н. А.* Дочери Каина // Золотухина Н. А. Поэтика новелл Н. С. Гумилева 1907–1909 годов. Харьков, 2009.
- Сафиулина: *Сафиулина Р. М.* Всеединое и человек как архетипы отца и сына в поэзии Гумилева // Вестник ТГУ. 2009. Вып. 5 (73).
- Щербаков: *Щербаков Р. Л.* Переписка с Н. С. Гумилевым // Литературное наследство. М., 1994. Т. 98 (2).